

Дизайн автора

НА ВОЛНАХ

На море волны, лезть в слишком теплую и мутную воду не хочется, и, если бы не Боря, — ох, уж эти энтузиасты и бодряки, фанатики движения и здорового образа жизни — Леша, наверное, так и не оторвался бы от нагретых досок настила.

— Вот это водичка, так водичка! — самозабвенно орет во всю глотку бородач Боря, поскользываясь на подводных камнях и беспомощно обрываясь в накатывающий вал.

— Нет, ты только попробуй! — отплевываясь и энергично прочищая пальцем ухо, продолжает он, и ему начхать на то, что его иронически слушают и наблюдают все, кто уселся и разлегся под длинным пластмассовым козырьком небольшого, в распадке скал, пляжа, кто, как и Леша, лениво размышляет — купаться или нет.

Стесняясь общего внимания и равно как и за не знающего меры Борю, Леша нехотя лезет в воду. Тут же на него наваливается тяжелая с плещущим гребнем масса волны, стремясь ошеломить, опрокинуть, но он успевает нырнуть, потрясенно ощущая в глубине, как волна, гудя и громокая, недовольно прокатывается сверху. Высочив на поверхность, он видит ее сутулую лоснящуюся спину и, словно от нее заразившись первобытным восторгом, бешеными гребками плывет подальше от берега, красиво погружая лицо при выдохе в воду...

А вот и еще кто-то качается на волнах — девчонка, высоко подвязанные косички торчат, как две баранки. Баранки — это ведь от рогов барана, вдруг приходит ему в голову... Леша подплывает и кокетничает с ней. Это получается у него легко и раскованно, ему кажется, что весь ее мир — как на ладони, и оттого хочется смеяться. Она смеется в ответ, будто его мир тоже ей вполне понятен.

К берегу они возвращаются как давние знакомые. Борис уже вылез — спина его не успела просохнуть и мышцы красиво играют на ней. Знай он это, не спешил бы поворачиваться и демонстрировать свою диковатую, как куча вытасненных водорослей, бороду. Леша нарочно мешкает — он намерен посмотреть, как сложена эта, с баранками, и, пропустив ее вперед, с легкой оторопью осознает, что юная женщина с такими идеальными пропорциями могла бы и послать его подальше, вместо того, чтобы поощрять заигрывания. Затем он чуть болезненно отмечает у нее маленький изъян — родимое пятно рядом с пахом, но тут же забывает об этом, охваченный неожиданным открытием, что теперь и у него есть знакомая, почти сверстница, и притом она, вроде, не собирается прерывать их болтовни и в ответ на предложение тут же переносит к ним легкий холмик своего пляжного одеяния.

Все получается у Леши — и разговор, и стойка на руках и лазание по почти четырехметровой стене, сложенной из ракушечника... Боря, альпинист, якобы разрядник, срывается, едва одолев половину, а Леша, добравшись доверху, победно седлает стену. Он улыбается и машет рукой, стараясь незаметно подавить нервную дрожь в ногах да и во всем пережившем опасность теле.

— Ах, какие вы, ребята, красивые! — говорит Сашенька, так ее зовут, — хотя что красивого в Боре, если то и дело жалко поблескивает его широкая плоская лысина и, когда он смеется, между бородой и усами — явный дефицит зубов...

— Ах, какие вы, ребята, красивые, — повторяет Сашенька, и Леше тепло и радостно от этих слов — они наверняка адресованы только ему, кому же еще... Жаль, конечно, что она остается на пляже — у нее-то нет проблем с обедом в своем санатории, а им — или сейчас, или никогда, очередей они не выносят. Впрочем, что жалеть, если вечером, нет — раньше, в шесть часов, они снова встретятся. На ужин они приготовят шашлык — разве она откажется от шашлыка? Более того — она поможет им. За это и цепляется Леша, заметив постное выражение на лице своего вечно голодного приятеля.

Борю он знает только три дня, с того момента, как тот попросил разбить свою полосатую, как матрас, палатку рядом с Лешинной. У них теперь общий стол, и вечера они проводят вместе, отчасти тяготясь принятыми на себя обязательствами и говоря себе, что если бы не визави, с каждым наверняка случилось бы что-нибудь интересное, что-нибудь из негласного кодекса искателя приключений, жуира, — кодекса, по которому живут все, кто отдыхает на Черном море. И поскольку с ними уже три дня, а до того по две недели с каждым по отдельности, ничего не происходит, они подсознательно начинают винить за это друг друга... И все-таки они не расходятся, потому что двое — это компания, не хуже других компаний, которым они в своем недавнем одиночестве завидовали, особенно с наступлением сумерек, когда в самом воздухе был разлит пряный дух курортного мезальянса, или как это его — промискуитета...

В шесть вечера они уже сидят на центральной алушкинской улочке, возле поворота, откуда далеко вниз идут каменные ступеньки, а где-то там, за ними, за асфальтированной дорогой, еще за одним спуском, за узкой, среди акаций и каких-то колючих душистых кустов, тропинкой прячутся от стороннего взгляда две чуть отступившие от обрыва палатки, и уже ничто не заслоняет море.

Леша и Боря сидят у витрины галантерейного магазина, куда заходят в основном только женщины. Боря все в тех же утренних трикотажных штанах с одним рубчиком, якобы спортивных, закатанных до колен, он передел только рубашку, она свежая и мягкая и пахнет рюкзаком, из которого только что вынута. А Леша вместо шорт натянул белые джинсы — крик сезона — и ему приятно ощущать их на себе. На нем опять же белая и почти немая футболка с короткими рукавами и круглым вырезом вместо воротника. Еще Леша чувствует, что опять сегодня загорел — чуть пощипывает лицо, будто выпил стакан белого сухого вина, которое продают из бочки на набережной...

Сашенька появляется как-то сразу, слишком близко от них. Она направляется к ним покачивающейся, точнее, волнующейся походкой, вызывая откинув плечи. Она в голубом вязаном платье, с крупными просвечивающими узорами, в темных солнечных очках и при прическе. И Леша смотрит на нее, открыв рот. Это гораздо больше, чем он ожидал, и его охватывает странное, хотя и не новое для него волнение — оно гнездится глубоко внутри, оно будто испаряющийся кусочек обжигающе холодного сухого льда. Нет, Леша не волнуется — это легкий дымок предчувствия восходит в нем.

Предчувствие не оставляет Лешу и во время долгой церемонии приготовления шашлыков. Прямо скажем, баранина не задалась: пережаренные луком, висят над жаровней из двух кирпичей худосочные кусочки в ошметках пленок, прутья шампуров перегорают раньше, чем прожаривается мясо, — и всю эту нервную суету не прикрыть никаким остроумием. К тому же Сашенька не помогает а, как царица сложив белы ручки, просто наблюдает за торопливой возней Лешы и Бори, и Леша кожей чувствует осуждение, которым запечатан Борин рот.

Наконец — после того как шашлык разок возвращается с тарелок на жаровню по причине своей сырости — наконец все готово. Открыты фляги с сухим вином, нарезан хлеб, насыпана горкой соль, и на малиновую, уже подергивающуюся седым покрывальцем, грудку угля с шипеньем поставлен походный чайник.

Пьют и едят, и хотя не так вкусно, как позавчера, в компании двух москвичек, которые жестоко обманули их, скрывшись после вечерней трапезы под предлогом пописать, все же после вина на еще полупустой желудок становится хорошо и снова

тянет на юмор, и уже нечувствительны острые углы случившихся неурядиц.

Впрочем, и теперь Боря обнаруживает свое коренное свойство в отношениях с женщинами: он как-то неприлично искренен, и в его словесном натиске столько личного и обиженного, что Леше приходится незаметно толкать Сашеньку в бок — дескать, полюбуйся на экземпляр. Но вообще-то Леша опасается, как бы Сашенька не приняла критику лучшей половины человечества и на свой счет.

— Наверное, однажды кто-то сделал ему очень больно, — говорит Сашенька, когда они вдвоем уходят в темноту от костерка, в кирпичном отсвете которого остается меланхоличная физиономия Бори — она кажется маленькой, поскольку борода его уже заодно с тьмой.

Леша хмыкает и говорит:

— Может, и не однажды...

Ему хочется, чтобы голос его звучал просто и естественно, что трудно, поскольку они оба знают, зачем идут к морю, и каждое новое слово только обнаруживает это знание, а они должны делать вид, что между ними ничего нет, иначе они просто не осмелятся так целенаправленно — руку в руку — спускаться к воде. А снизу из поплескивающего провала, где море, тянет влажным теплом. И два огня — далеко слева и далеко справа — обозначают границу берега.

Они останавливаются на маленькой площадке среди огромных валунов, еще источающих дневное тепло. Площадка — тоже валун, правда, не такой гладкий как остальные — и в молчаливой компании этих камней им становится спокойнее и уверенней. Леша и Сашенька еще говорят несколько мгновений, потом замолкают и первое прикосновение губ к губам так ослепляюще для обоих, что, кажется, его больше не повторить. Зато теперь рукам Лешаи дозволены два холмика Сашенькиных грудей — к ним непросто добраться через вырез платья и тугой лифчик.

Леше уже не удержаться, и он с тупой настойчивостью пытается опустить с Сашенькиных плеч вязанные лямки платья. Саша чуть смущена — она подшила, чтобы не вылезали, бретельки лифчика под лямки и то, что она не упрямится, даже для виду не пытается оттолкнуть Лешу, а, скосив глаза, сама возится с "дурацкими" нитками, наполняет его благодарным умилением.

Он раздевает ее и быстро раздевается сам. Обнаженные, они стоят, прижавшись друг к другу, а потом опускаются на ложе каменной площадки.

Какая темная теплая ночь, совсем без звезд, и все-таки в откуда-то проистекающем свете Леше видно Сашенькино, с закрытыми глазами, лицо. Ее тонкие брови высоко подняты, и есть что-то скорбное в этом милом, почти незнакомом, лице.

Мелкие камешки больно врезаются в Лешины колени и он заботливо поправляет под спиной Сашеньки свою футболку. Но и камешки, и эта забота, и почему-то всплывшее в памяти родимое пятно на ноге у Сашеньки очень мешают ему, невыносимо мешают, и он виновато прячет лицо на Сашенькином плече. Потом он трагически приподнимается, садится, и Саша, поднявшись следом, тоже садится и, обняв колени, смотрит в сторону.

— Не знаю, что со мной, — бормочет Леша, глядя кончиками пальцев ее шею, мочку уха, детский завиток волос.

— Не говори! Молчи! — быстро и испуганно обрывает его она, словно боится дальнейших слов, какие он может произнести, или же — что их еще кто-то может услышать. И Леша молчит и гладит, гладит. Потом они ложатся, но все повторяется, и где-то в стороне Леша слышит ее голос: "Просто я тебе не нравлюсь."

— Неправда! — горячо возражает он, и наконец у него все получается.

Потом они снова сидят. Леша накрывает футболкой Сашенькины плечи, но Саша вдруг встает, легко и стремительно сбегает к морю.

Вот откуда свет, догадывается Леша, глядя, как тут и там поочередно выкатываются на берег фосфорные полукружья воды. Он видит Сашеньку, два поперечных светлых

следа — на ее загорелой спине и стройных ягодицах — она снова кажется ему красивой и желанной, и он хочет позвать ее. Но Саша решительно врывается в воду — вокруг ее коленей вспыхивает и рвется светящийся венчик.

— Ах, какая вода! — словно задыхаясь, восклицает она с уже знакомой интонацией ("ах, какие вы красивые!") — Вот, где прекрасно! О, это настоящее чудо!

Сашенька прямо стонет от счастья.

— Иди же сюда! — оборачивается она к Леше. — Здесь так чудесно!

Леша тоже лезет в воду, но никаких восторгов не испытывает — он ревнует ее к морю, а, кроме того, ему холодно.

Сашенька покачивается рядом и каждое ее движение оставляет на воде мгновенный фосфорический след. Леша набирает полный рот воды и, как факир, выпускает изо рта столб бледно-голубого пламени.

— Ой, вот ты какой! — смеясь, загребает в сторону Сашенька — Я тебя боюсь!

Все еще нагой он, дрожа, сидит на берегу и курит, а она плещется, ловит плывущие огоньки и, держа ладони ковшиком, носит к нему этот качающийся свет, разочарованно обнаруживает, что огоньки пропали, и тогда выливает ковшик ручной влаги на понурю Лешину голову.

— Ну что ты такой скучный?! — кричит она ему из воды, а он смотрит на нее и курит, курит.

Но и это кончается.

— Ой, мне бежать! — спохватывается Сашенька. — Иначе не пустят в санаторий. Если бы хоть первый этаж был, чтобы в окно... А то третий.

Натянув впопыхах одежду на мокрые тела, они взбираются по склону, бегут по тропинке в кромешной тьме, избегают по лестнице и только на повороте улицы, где всего несколько часов назад Леша ждал ее и еще ничего не было, — только там они останавливаются, потому что она, задохнувшись, повисает у него на плече.

— Больше не могу... сердце выскочит. У, проклятое... Из-за него я не стала балериной. Ты еще не знаешь, как я танцую. Завтра я тебе покажу.

— Завтра я уезжаю, — говорит Леша. — У меня билет на поезд.

— Завтра? — не сразу переспрашивает она.

Дальше идут молча, но потом Сашенька снова оживает — словно прощая, берет его за руку двумя руками и размахивает ею в такт шагов. На улице, по которой они поднимаются, тихо и таинственно, повсюду тени от лампочек, много теней, широких и узких, колеблющихся и недвижных. Улица, стены домов — все исполосовано тенями.

Сашенька взглядывает на часы и ускоряет шаг.

— А тебе обязательно в санаторий? — спрашивает Леша. — Пойдем ко мне в палатку.

Она смеется, долго смеется:

— Спасибо за приглашение. Но это невозможно.

— Почему, скажи, почему? — горячится он, представляя, как будет хорошо.

— Ну что ты, — говорит Сашенька. — У нас строго. Сегодня не вернулся, а завтра тебя с чемоданом выставят за дверь. — И добавляет, взглянув на него: — Я ведь лечиться приехала.

Они прощаются в спешке перед высокой оградой, за которой осуждающе громоздится кремовый фасад санатория — почти все окна темны.

— Да... будет мне сейчас, — поеживается Сашенька.

— Приходи завтра утром, — говорит Леша, поднимая к лицу ее руку и целуя в раскрытую влажную ладонь. — Приходи в шесть.

Она молча кивает и идет к воротам.

— В шесть! — повторяет он ей вслед. Она оборачивается, не сбавляя танцующего шага, как-то по-особому машет ему рукой, и что-то невысказанное чудится Леше в этом жесте.

В полосатой палатке Бори перемещается свет фонарика — видно, опять его приятель откапывает что-то на дне своего безмерного рюкзака...

Стараясь не шуметь, Леша забирается в свою двухместку, закрывает на молнию вход и спуска минуту спит.

Просыпается он полшестого от внутреннего толчка, как просыпался в караулке, когда его назначали разводящим на посты. На четвереньках он выползает из своего укрытия и смотрит на море. Он еще погружено в тень, и дальний его край так фиолетов, что непонятно — облака это или же продолжение воды. Но небо уже горит вполне, и низким, огромным, чуть теплым солнцем уже розовато подсвечена прибрежная водная рябь. Леша слышит внизу короткий всплеск, будто в воду бросили камень, — это большая рыбина. Она выпрыгивает и во второй раз, и Леша отчетливо видит ее длинное темное тело с вытянутым носом. Рыбина делает один за другим шесть длинных прыжков, каждый раз уходя в воду с коротким аккуратным всплеском. Леша продолжает смотреть. Но больше она не появляется, а вода так спокойна, что все шесть кругов успевают пересечься еще до того, как пропадут навсегда.

Леша бежит мыться — до колонки далеко, и он боится опоздать к тому моменту, когда появится Сашенька. Он бы еще и искупался напоследок, да нет времени.

Саша не приходит ни в шесть, ни в семь... Рюкзак уже собран, а палатка еще стоит. Леша свеж и бодр, он полон нерастратченных сил и не хочет снимать палатку. Он еще на надеется показать Саше, на что способен. Вчера он просто не был готов, не поверил происходящему...

Лишь за полчаса до того, как должен появиться его катер, Леша вытаскивает колышки, опорные палки, и палатка беспомощно и широко опадает на землю.

Вылезает Боря, зевая, смотрит, как Леша скатывает брезент.

— Уезжаешь?

— Ага.

— Я провожу, — надевает он кеды. О вчерашнем он молчит...

И появляется Сашенька. Она так утреннее свежа и у нее такая танцующая походка!

— Привет, мальчики! — улыбается им обоим. Леша смотрит на нее долгим укоризненным взглядом, но она словно не замечает этого.

— Меня Саша проводит, — говорит он Боре, обмениваясь с ним адресами, телефонами и зная, что ни звонить, ни заезжать не будет, хотя они земляки.

И вот он спешит вместе с Сашей на пристань, куда повернул с открытой воды и только-только скрылся за массой сбегающих к берегу деревьев белый катер. Уже пригревает вовсю, и на земле, на листьях полно ослепительных солнечных бликов, а внизу у воды слышны голоса купальщиков.

— Пока! — говорит Леша, и Саша, зажмурившись на миг, кивает ему. В опущенных руках она держит перед собой сумочку.

Катер отходит, весело закачавшись на волне, и как-то сразу оказывается слишком далеко от берега. С левого борта Леше видна Сашенька на пристани, видны купы зелени, кипарисы, дома, огромный горный хребет в глубоких сероватых складках, но все растет между Лешей и берегом голубое поле взбудораженной воды, Сашу уже не различить, можно только догадываться, где она стоит, если, конечно, она еще стоит, — один лишь хребет становится выше и выше...

Он напишет ей до востребования, и она ответит. Сначала ее письма будут идти из Крыма, а потом из ее родного города. Спустя полгода она сообщит, что ложится на операцию, но что это ерунда, и нечего волноваться. Обещала написать, как только выйдет из больницы.

Но не написала...

1974